

Глава 1

Лето 1816 года

К северу от Лондона

Застыв от напряжения как статуя, разбойник наблюдал за дорогой, освещаемой светом полной луны. Его конь Цезарь был так послушен, что не приходилось даже натягивать поводья, и, когда он взмахивал головой, упряжь ни разу не звякнула в лесной тишине.

Одежда делала человека похожим на тень, лицо скрывали черная маска, аккуратная борода и усы в стиле Карла I. Если бы не белый плюмаж на широкополой шляпе, он был бы невидим.

Этот плюмаж был вызывающей деталью одежды Ле Корбо, смелого негодяя француза, который называл себя Вороном и утверждал, что имеет право клевать каждого, кто путешествует по дорогам к северу от Лондона.

Хотя поблизости никого не было видно, Ворон «летал» не один. Он послал своих людей на север и на юг, чтобы они могли предупредить его о приближающейся опасности или очередной жертве. Не двигаясь, он ждал сигнала — и только плюмаж трепетал на ветру.

Наконец с юга донеслось уханье совы, а затем странная птичья трель. Это означало, что приближалась жертва. Причем не почтовая служба с хорошо вооруженной охраной и не бедняк на лошади или на телеге, а добыча, ради которой стоило приложить усилия.

Он замер, пока не услышал топот быстрых лошадей, а затем резко свистнул и, выскочив из-за деревьев, направил скакуна к приближающейся карете.

Испуганный кучер натянул поводья. Когда карета остановилась, Тристан Трегеллоус, герцог Сент-Рейвен, уже командовал пассажирами, размахивая заряженным пистолетом. Со всех сторон стояли на страже его товарищи.

Сердце билось тревожно и радостно одновременно, Трис был возбужден, как на любовном свидании. Жаль, что это его первая и последняя охота.

— Месье, мадам. — Он приветствовал пассажиров легким наклоном головы и говорил при этом с таким же французским акцентом, как и настоящий Ле Корбо. — Пожалуйста, выходите из кареты.

Он изучающе разглядывал свои жертвы, пока говорил, — насколько позволяла темнота.

Превосходно. У него на мушке была молодая светская пара, и похоже, апоплексический удар от ужаса никому не грозил. Леди выглядела скорее рассерженной, нежели испуганной. Ее губы были плотно сжаты, а в светлых глазах читалась ярость.

— Чтоб ты ослеп, висельник! — зарычал мужчина. Его голос и манеры выдавали грубого простолюдина, и это было кстати — он не будет убиваться об утрате половины своих денег.

— Это в руках Господа и судей, а вот вы в моих руках. Выходите! Вам известна моя репутация. Я не стану вас убивать и не заберу у вас все. Но при одном условии, — заговорил Трис с угрозой в голосе, — если вы не будете сопротивляться.

— Ну же, вылезай, и покончим с этим, — приказал мужчина, толкнув свою спутницу так, что она стукнулась о стенку кареты.

Женщина резко обернулась к нему, словно хотела ударить, но передумала и молча открыла дверцу кареты. Шла она с опущенной головой и казалась кроткой, как ягненок.

Триса переполняло любопытство. Мужчина — редкий хам, и женщина явно не уважает его, однако подчиняется беспрекословно. Может, это несчастливый брак?

Жены редко протестуют против мужей-самодуров. Но Трис попытался заглушить свое любопытство. У него нет времени на загадки. Даже в такое позднее время в любую минуту может появиться еще один экипаж.

Женщина спускалась по ступенькам, одной рукой придерживая светлую юбку, другой держась за открытую дверцу. Вполглаза следя за мужчиной, Сент-Рейвен все же заметил, что она скорее пухленькая, нежели изящная и стройная. И все же очень грациозна даже в этой затруднительной ситуации. А какие у нее стройные лодыжки! На женщине красивое вечернее платье, необычный наряд для путешественницы. Возможно, парочку неожиданно вызвали к умирающему.

Когда женщина вышла из кареты и остановилась перед Трисом, он рассмотрел ее округлое лицо, которое обрамляли темные локоны, выбивавшиеся из-под модного вечернего тюрбана из полосатой ткани. В глаза ему бросились жемчужное ожерелье и серьги с жемчугом. Однако жемчуг был очень скромный. Трису хотелось, чтобы ее одежда говорила о сказочном богатстве. Он подумал, что должен будет забрать драгоценности, иначе вся затея потеряет смысл.

Трис обратил теперь свое внимание на коренастого мужчину, который следовал за женщиной. Его сапоги, бриджи, куртка и бобровая шапка кому-то показались бы случайным сочетанием, но Трис узнал последний крик моды людей особого сорта — богачей, увлекающихся спортом. Полосатый жилет, пестрый галстук и фасон куртки подтверждали догадку. Под одеждой проступали накачанные мускулы.

Затем лунный свет осветил его полное лицо. Массивная нижняя челюсть, нос с горбинкой, как будто был сломан не один раз. Это Крофтон!

Виконту Крофтону слегка за тридцать. Он имеет скромный достаток, но любит роскошь и женщин. Ловкий наездник, боксер, всегда там, где ожидаются забавы, причем предпочитает развлечения поглубже.

Один раз Крофтон был на мужской вечеринке в доме Триса. Ему ясно дали понять, чтобы он там больше не появлялся. Было бы приятно почистить карманы Крофтона, но он опасен, и за ним нужно следить. Перед Трисом стояла задача — разыграть ограбление, чтобы снять обвинение с того, кто сидел в тюрьме под именем Ле Корбо. Этот спектакль не должен провалиться.

— Ваши кошельки, пожалуйста, — сказал он и не удержался от того, чтобы снова не взглянуть на женщину. Крофтон не был женат, но платье, драгоценности и манеры его спутницы были как у леди, а не как у шлюхи. Может быть, это его сестра?

Крофтон вытащил пригоршню банкнот из кармана и бросил их на землю, деньги зашелестели на ветру.

— Ползай и собирай, свинья!

— Ворон, — поправил Трис, едва подавив искушение заставить мужчину собирать банкноты зубами. — Мадам?

— У меня нет кошелька.

Холодный тон, речь образованного человека. В лунном свете лицо женщины казалось высеченным из чистого белого мрамора.

— Тогда ваши серьги, милая.

Трис понимал, что что-то здесь не так, и он не мог уехать, оставив загадку нераскрытой. При мысли о благородной даме в лапах Крофтона его передернуло.

Он взглянул на женщину, но та не удостоила его вниманием, словно Триса и не существовало. Даже когда она сняла серьги и бросила их на землю рядом с деньгами, то не подняла глаз. Пауза затянулась, и она наконец посмотрела на Триса — прищуренные глаза, плотно сжатые губы. Тайственная леди не была напугана. Она была в ярости.

Если она так недовольна возникшим препятствием, значит, она поехала с Крофтоном по доброй воле. С другой стороны, Трис не мог забыть, как Крофтон толкнул ее, и ее инстинктивный гнев.

И тогда он понял то, что не давало ему покоя.

Неделю или две назад Крофтон выиграл в карты поместье Стокли-Мэнор, в Кембриджшире. Он собирался устроить вечеринку, чтобы отпраздновать это событие, — оргию, если быть точным. Трис получил самонадеянное приглашение от него — вечеринка была назначена на завтрашний вечер.

Значит, Крофтон ехал туда, и он не взял бы с собой ни сестру, ни другую приличную леди. И хотя это казалось невероятным, мадонна в лунном свете, видимо, всего лишь дорогая шлюха. Не все шлюхи были дешевыми девушками, некоторые из них выглядели как настоящие дамы.

Опыт и интуиция, однако, говорили Трису, что эта женщина не из таких. Был один способ проверить это.

Ле Корбо слыл безрассудным разбойником, романтиком и иногда предлагал вернуть награбленное в обмен на поцелуй дамы. Многое можно узнать по тому, как женщина целуется.

Трис улыбнулся пленнице.

— Так как вознаграждение за вашу свободу, к несчастью, упало в грязь, я должен просить тебя, красавица, поднять его для меня.

Он думал, что женщина откажется. Лунный свет не позволил разглядеть, как гнев окрасил эти круглые щеки, но по тому, как сжались ее губы и гордо вскинулась голова, стало ясно — это порядочная дама. Ни одна шлюха так бы не отреагировала на унижение — они к этому привыкли.

— Сделай это! — отрезал Крофтон. — Пусть хам отстанет!

Она вздрогнула от его голоса, но снова повиновалась, пошла вперед и склонилась, чтобы подобрать деньги и серьги. Каждое ее движение было исполнено достоинства.

Трису не нравилось все это. Он слышал, что Крофтон любит грубые развлечения и что он частенько совращает девственниц — чем меньше они хотят этого, тем для него

лучше. Быть может, он нашел способ принудить девственницу из хорошей семьи быть в центре его праздника?

Женщина выпрямилась и подошла к лошади Триса, держа в руках деньги и драгоценности.

Он заглянул в ее глаза. Они были полны презрения. Черт возьми, кем она себя возомнила? Жанной д'Арк? Дамочка ехала с Крофтоном на оргию, и для нее было лучше искать помощи, чем обращаться с вероятным спасителем как со слизняком. Трис направил Цезаря вперед. Женщина отпрянула, на мгновение самообладание покинуло ее. Боится лошадей? Когда ее губы расслабились, то стали очень соблазнительными.

Трис вспомнил, что надо следить за коварным Крофтоном и не стоит отвлекаться. Казалось, тот просто наблюдает за забавным зрелищем. Плохой знак. Трис послал Цезаря вперед еще на один шаг, и женщина снова отшатнулась.

— Если ты будешь отступать, милая, мы будем здесь торчать всю ночь.

Ее губы снова сжались.

— Вот и хорошо. Тогда кто-нибудь придет на помощь и арестует тебя.

— Не успеет. Деньги?

Женщина несмело шагнула вперед, протянув деньги и драгоценности Трису. Контраст между ее бравадой и очевидным страхом перед Цезарем тронул Триса. Он взял добычу, и женщина быстро отступила. Поделив банкноты примерно на две равные части, он швырнул одну часть обратно на землю.

— Я никого не пускаю по миру.

Крофтон засмеялся.

— Такая сумма меня не разорит. Мы свободны?

Трис обратился к женщине:

— Я верну остальные деньги и твои серьги за поцелуй, милашка.

Она отпрянула еще на шаг, но Крофтон подтолкнул ее вперед.

— Давай, дорогая, поцелуй его.

Трис увидел, как гневный огонь вспыхнул в глазах женщины, но и теперь она не стала протестовать. Какую власть имел над ней Крофтон?

— Ну? — спросил он.

— Это будет поцелуй по принуждению, — ответила она так холодно, что по спине Триса побежали мурашки. Ему нравился ее характер.

— Я не рискну спешиться, так что ты должна поднестись ко мне.

— На лошадь? — Она пошатнулась от страха.

— На лошадь.

Крессида Мэндевилл уставилась на наглого безумца, возвышавшегося на огромной лошади, понимая, что ее терпение на пределе. Она заключила отвратительную сделку с лордом Крофтоном, и ей придется неделю быть его любовницей. В карете она уже выдержала его домогательства, хотя ее чуть не стошнило. Но она не сядет, она не может сесть на лошадь к разбойнику!

— Оставь деньги себе! — отрезала она.

— Поцелуй его! — зарычал Крофтон.

Крессида не успела опомниться, как злодей спрятав пистолет, подъехал к ней, наклонился, подхватил на руки и усадил в седло перед собой.

Она подавила крик, чтобы не показать, как сильно напугана, а очутившись на лошади, крепко закрыла глаза и стала молиться.

— Тише, тише, малышка, спокойно! Здесь наверху не так плохо, уверяю тебя!

Насмешка в его голосе уязвила гордость пленницы. В самом деле, она сидела на лошади, которая стояла смирно, — казалось, все не так уж плохо, пока она могла держаться за большое, крепкое тело незнакомца.

Крессида приоткрыла глаза. Она могла видеть только темную одежду, ее щека касалась теплой шерсти, чувствовался запах сандалового дерева.

В самом деле очень странный разбойник.

Крессида заставила себя разжать руки и выпрямиться. Она повернулась в сторону Крофтона. Он застыл на месте, так как рядом стоял еще один злодей с двумя пистолетами. Этот Ворон осторожен. Но Крофтон и не собирался вмешиваться. Он, должно быть, находил происходящее забавным.

Крессида вспомнила о том, как несколько месяцев назад была в лондонском театре и смотрела пьесу, в которой разбойник оказался героем. В жизни, конечно, все по-другому.

Все равно, если выбирать между этими двумя мужчинами... Она отогнала эти мысли.

Крессида сидела в седле боком впереди незнакомца и была прижата к его телу. Их бедра и ноги соприкасались.

Она вдруг почувствовала, как он прищипорил коня и тот рванул вперед.

— Что ты делаешь? — закричала испуганная женщина.

— Немного увеличиваю дистанцию между нами и твоим галантным кавалером, милая. Если я собираюсь уделить тебе должное внимание, то не хочу, чтобы это произошло на его глазах.

Сарказм в словах «галантный кавалер» уколол ее.

— Ты не имеешь права смеяться над ним! Ты вор!

— Как горячо ты защищаешь его!

Ей нужно было осмотреться. Они уже почти скрылись за деревьями. Крессида оглянулась назад. Они были ярдах в пяти от кареты.

— Стой! Сейчас же отпусти меня!

— Какая ты властная! Я обожаю, когда мне приказывает женщина.

От его тихого голоса у Крескиды по коже пошли мурашки. Она не может поцеловать этого человека! Она должна спастись. Но как?

Ле Корбо убрал пистолет в кобуру, чтобы схватить ее. Если бы она была настоящей героиней, непременно

воспользовалась бы этим обстоятельством. И что бы она сделала? Убила его? Но от чего она собирается спасти себя? От поцелуя. Только поцелуй грозит ей. Сущий пустяк, если сравнить с той участью, которую она для себя выбрала. Весь Лондон говорил о Ле Корбо, и некоторые дамы разъезжали по этим дорогам, надеясь встретить и поцеловать этого негодяя.

Поцелуй — это ничто... Но вдруг лошадь остановилась, Крессида едва подавила крик. Она должна поцеловать его сидя на лошади? Однако у нее не было выбора.

Крессида подняла голову к бородатому лицу в маске.

— Может, мы кончим с этим, чтобы я могла продолжить свой путь?

Она увидела, что он улыбается, и подумала, что он, возможно, красив. Его губы, несомненно, были твердыми, но и чувственными тоже.

Эти губы приблизились к ней, а его борода и усы щекотали ее щеки.

Женщина попыталась отодвинуться, но сильная рука скользнула ей за голову, удерживая ее. Его губы раскрылись, и язык коснулся ее губ.

Крессида была беспомощна в ловушке его сильных рук и ненавидела себя за это. Она мечтала не о таком поцелуе. Здесь не было речи о нежности или страсти. Как Крофтон, так и этот разбойник были подлыми людьми, и она желала им обоим отправиться в ад. Женщина холодно приняла прикосновение губ ненавистного мужчины. Она не позволит ему получить удовольствие от ее сопротивления. По правде говоря, она сидела спокойно также и потому, что любое неловкое движение могло напугать это ужасное животное под ней.

Мужчина засмеялся и снова коснулся ее губ. Крессида отшатнулась, ее ладони сжались в кулаки. О, она мечтала драться, колотить, царапать ужасное животное, которое напало на нее.

Но тут он отодвинулся и внимательно посмотрел на нее.

Крессида поняла, что совершила ошибку. Может ли она ее исправить?

Трис посмотрел на Крофтона. Затем он засунул серьги и банкноты в глубокий вырез ее платья. Прежде чем она смогла выразить свое возмущение такой дерзостью, он резко свистнул, направил коня к лесу, увозя женщину с собой.

Страх на мгновение лишил ее голоса, но затем она закричала:

— Остановись! Что ты делаешь? Помогите!

Разбойник прижал ее лицо к своей груди так крепко, что она едва могла дышать, не говоря о том, чтобы кричать. Конь тяжело скакал, унося их прочь. Теперь Крессида боролась, била своего обидчика руками и ногами, пыталась царапаться. Лучше она упадет с лошади, чем окажется похищенной разбойником!

У нее есть свой план, и в него не входит такое приключение. Боже, что делать?

Она услышала, как мужчина выругался, и вдруг лошадь остановилась. Крессида высвободила руку и изо всех сил дернула разбойника за бороду — клочок волос остался у нее в руке.

— Проклятье! — Он схватил ее за руки. — Тихо, женщина!

Она вырывалась изо всех сил.

— Пусти меня!

Мужчина до боли сжал запястья Крессиды. Еще чьи-то сильные руки схватили ее за лодыжки.

— Что, не справишься с дамой? — прогудел незнакомый насмешливый голос.

— Перестань смеяться и подумай, чем связать ее. — Речь разбойника и его сообщника была как у аристократов. Крессида даже замерла от этого открытия. Но затем до нее дошел смысл слов «связать ее», и она снова стала бороться. Женщина хотела закричать, но рука в перчатке закрыла ей рот.